

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

БЫЛИНЫ

Коллектив авторов

Былины

«Public Domain»

2015

Коллектив авторов

Былины / Коллектив авторов — «Public Domain», 2015

Внеклассное чтение – это важная часть школьного образования, и относиться к нему стоит серьезно! Чтение не просто развивает ребенка, оно обогащает его внутренний мир, позволяет расти умным, творческим, успешным! Былины о главных героях русского эпоса – Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, – а также Киевского и Новгородского циклов рекомендованы к прочтению в 7-м классе.

© Коллектив авторов, 2015

© Public Domain, 2015

Содержание

Древнейшие былинные образы	6
Вольга и Микула	6
Главные герои русского эпоса	11
Исцеление Ильи Муромца	11
Илья Муромец и Святогор	14
Илья и Соловей-разбойник	19
Илья Муромец и голи кабацкие	25
Илья Муромец и Идолище в Киеве	28
Илья Муромец и Идолище в Царе-граде	33
Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром	39
Илья Муромец и Калин-царь	41
Бой Ильи Муромца с сыном	54
Богатыри на Соколе-корабле	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Былины

Оформление *О. Горбовской*

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Древнейшие былинные образы

Вольга и Микула

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мблодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.
Как стал тут Вольга растеть-матереть;
Похотелося Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать под облока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птицы за облока,
Ускакали все звери во темные леса.
Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темно-кариих,
Темно-кариих жеребчиков, нелегченныхых.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою.
Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая:
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешки по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омешки по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день ещё до пабедья,
А наехали в чистом поле оратая:
Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки он да пометывает,
А пеньё, коренья вывертывает,
А большие-то каменя в борозду валит,
У оратая кобыла соловая,
Гужики у нее да шелковые,

Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются;
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя;
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати,
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.
Говорит-то Вольга таковы слова:
«Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко,
Орать, да пахать, да крестьяновати,
А бороздки тебе да пометывати,
А пенья, коренья вывертывати,
А большие-то каменя в борозду валить!»
Говорит оратай таковы слова:
«Поди-ка ты, Вольга Святославович,
Мне-ка надобно Божья помочь крестьяновати!
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?»
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Как пожаловал меня да рѣдной дядюшка,
Рѣдной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольнекиевский,
Тремя ли городами со крестьянами
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем;
Теперь еду к городам да за получкою».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы,
Да потопят тя в реку да во Смородину.
Я недавно там был в городе, третьего дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сту пуд,
А сам я сидел-то сорок пуд,
А тут стали мужички с меня грошов просить;
Я им стал-то ведь грошов делить,
А грошов-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь да больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить,
Положил тут их я ведь до тысячи;

Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит».
Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Ты поедем-ка со мною во товарищах».
А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул,
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстиляется,
А грива-то у нее да завивается,
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остаается.
Говорит оратай таковы слова:
«Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломожный-то наедет – взять нечего,
А богатый – тот наедет, не позарится, —
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст?»
Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцев да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцев да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой;
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут молодой Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Цельим он да ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой;
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстиляется,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
«Ты постой-ка ведь, оратай-оратаюшко!
Как бы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали».
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей;
Как бы этая кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы».
Тут проговорит Вольга Святославович:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отчеству?»
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
«Ай же ты, Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»
Тут приехали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживати,
Стали города рассматривати,
А ребята-то стали поговаривати:
«Как этот третьего дни был да мужичков он бил!»
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися они да думу думати:

Как бы прийти да извиниться,
А им низко бы да поклониться.
Тут проговорил Вольга Святославович:
«Ай же ты, Микула Селянинович!
Я жалую от себя тремя городами со крестьянами.
Оставайся здесь да ведь наместником,
Получай-ка ты дань да ведь грошовую».

Главные герои русского эпоса

Исцеление Ильи Муромца

В славном городе во Муроме,
Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел цело тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родителем со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили две калики перехожие
Под тое окошечко косявчето.
Говорят калики таковы слова:
«Ай же ты Илья Муромец, крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкие,
Пусти-ка калик к себе в дом».
Ответ держит Илья Муромец:
«Ай же вы, калики перехожие!
Не могу отворить ворот широких,
Сиднем сижу цело тридцать лет,
Не владаю ни руками, ни ногами».
Опять говорят калики перехожие:
«Выставай-ка, Илья, на резвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкие,
Пускай-то калик к себе в дом».
Выставал Илья на резвы ноги,
Отворял ворота широкие
И пускал калик к себе в дом.
Приходили калики перехожие,
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьица медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил-то чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелось,
Его белое тело распотелось.
Воспроговорят калики таковы слова:
«Что чувствуешь в себе, Илья?»
Бил челом Илья, калик поздравствовал:
«Слышу в себе силушку великую».
Говорят калики перехожие:
«Будь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана;
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всею полницею удалою,

А столько не выходи драться
С Святогором-богатырем —
Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи драться с Самсоном-богатырем —
У него на голове семь власов ангельских;
Не бейся и с родом Микуловым —
Его любит матушка сыра земля;
Не ходи още на Вольгу Сеславьича —
Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня себе богатырского,
Выходи в раздольице чисто поле,
Покупай первого жеребчика,
Станови его в сруб на три месяца,
Корми его пшеном белояровым.
А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай
И в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его к тыну ко высокому.
Как станет жеребчик через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону,
Поезжай на нем, куда хочешь,
Будет носить тебя».
Тут калики потерялися.
Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую, —
Он дубье-колодые все повырубил,
В глубоку реку повыгрузил,
А сам и сшел домой.
Выстали отец с матерью от крепкого сна —
испужалися:
«Что это за чудо подеялось?
Кто бы нам это сработал работушку?»
Работа-то была поделана,
И пошли они домой.
Как пришли домой, видят:
Илья Муромец ходит по избы.
Стали его спрашивать,
Как он выздоровел.
Илья и рассказал им,
Как приходили калики перехожие,
Поили его питьицем медвяным —
И с того он стал владать руками и ногами
И силушку получил великую.
Пошел Илья в раздольице чисто поле,
Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,
Бурого жеребчика косматенького.
Покупал Илья того жеребчика,
Что запросил мужик, то и дал;

Становил жеребчика в сруб на три месяца,
Кормил его пшеном белояровым,
Поил свежей ключевой водой.
И прошло поры времени три месяца.
Стал Илья жеребчика по три ночи в саду
поваживать,
В три росы его выкатывал;
Подводил ко тыну ко высокому,
И стал Бурушко через тын перескакивать
И в ту сторону и в другую сторону.
Тут Илья Муромец
Седлал добра коня, зауздывал,
Брал у батюшки, у матушки
Прощенье-благословеньице
И поехал в раздольице чисто поле.

Илья Муромец и Святогор

Как не дáлече-дáлече во чистóм во поли́,
Тута куревкá да поднималася,
А там пыль столбом да поднималася, —
Оказался во поли добрый молодец,
Русский могучий Святогор-богатырь.
У Святогора конь да будто лютый зверь,
А богатырь сидел да во косу сажень,
Он едет в поле, спотешается,
Он бросает палицу булатную
Выше лесушку стоячего,
Ниже облаку да ходячего,
Улетает эта палица
Высоко да по поднебесью;
Когда палица да вниз спускается,
Он подхватывает да одной рукой.
Наезжает Святогор-богатырь
Во чистом поли он на сумочку да скоморошную.
Он с добра коня да не спускается,
Хотел поднять погонялкой эту сумочку, —
Эта сумочка да не ворохнется;
Опустился Святогор да со добра коня,
Он берет сумочку да одной рукой, —
Эта сумочка да не шевелится;
Как берет он обема рукам,
Принатужился он силой богатырской,
По колен ушел да в мать сыру землю, —
Эта сумочка да не шевелится,
Не шевелится да не поднимется.
Говорит Святогор да он про себя:
«А много я по свету еживал,
А такого чуда я не видывал,
Что маленькая сумочка да не шевелится,
Не шевелится да не сдымается,
Богатырской силы не сдается».
Говорит Святогор да таковы слова:
«Верно, тут мне, Святогору, да и смерть пришла».
И взмолился он да своему коню:
«Уж ты, верный богатырский конь,
Выручай теперь хозяина».
Как схватился он да за уздечку серебряну,
Он за ту подпругу золоченую,
За то стремечко да за серебряно,
Богатырский конь да принатужился,
А повыдернул он Святогора из сырой земли.
Тут садился Святогор да на добра коня,

И поехал по чисту полю
Он ко тем горам да Араратским.
Утомился Святогор, да он умаялся
С этой сумочкой да скоморошной,
И уснул он на добром коне,
Заснул он крепким богатырским сном.
Из-под далеча-далеча из чиста поля
Выезжал старбй казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Увидал Святогора он богатыря:
«Что за чудо вижу во чистом поли,
Что богатырь едет на добром кони,
Под богатырем-то конь да будто лютый зверь,
А богатырь спит крепко-накрепко».
Как скричал Илья да зычным голосом:
«Ох ты гой еси, удалой добрый молодец!
Ты что, молодец, да издеваешься,
А ты спишь ли, богатырь, аль притворяешься,
Не ко мне ли, старому, да подбираешься?
А на это я могу ответ держать».
От богатыря да тут ответу нет.
А вскричал Илья да пуще прежнего,
Пуще прежнего да зычным голосом,
От богатыря да тут ответа нет.
Разгорелось сердце богатырское
А у старого казака Ильи Муромца,
Как берет он палицу булатную,
Ударяет он богатыря да по белым грудям,
А богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут да Илья Муромец,
Разъезжается он во чисто поле,
А с разъезду ударяет он богатыря
Пуще прежнего он палицей булатною,
Богатырь спит, не просыпается.
Рассердился тут старбй казак да Илья Муромец,
А берет он шалапугу подорожную,
А не малу шалапугу – да во сорок пуд,
Разъезжается он со чиста поля,
И ударил он богатыря по белым грудям,
И отшиб он себе да руку правую.
Тут богатырь на кони да просыпается,
Говорит богатырь таково слово:
«Ох, как больно русски мухи кусаются!»
Поглядел богатырь в руку правую,
Увидал тут Илью Муромца,
Он берет Илью да за желты кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадыю да богатырскойей,
И поехал он да по святым горам,

По святым горам да Араратским.
Как день он едет до вечера,
Темну ноченьку да он дó утра,
И второй он день едет до вечера,
Темну ноченьку он до утра,
Как на третий-то да на денечек
Богатырский конь стал спотыкаться.
Говорит Святогор да коню доброму:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Уж ты что, собака, спотыкаешься?
Ты идти не мошь аль везти не хошь?»
Говорит тут верный богатырский конь
Человеческим да он голосом:
«Как прости-тко ты меня, хозяйнушко,
А позволь-ка мне да слово вымолвить.
Третьи суточки да ног не складучи
Я вожу двух русских могучиих богатырей,
Да й в третьих с конем богатырским».
Тут Святогор-богатырь да опомнился,
Что у него в кармане тяжелешенько;
Он берет Илью за желты кудри,
Он кладет Илью да на сыру землю
Как с конем его да богатырским.
Начал спрашивать да он, выведывать:
«Ты скажи, удалый добрый молодец,
Ты коей земли да ты какой орды?
Если ты богатырь святорусский,
Дак поедем мы да во чисто поле,
Попробуем мы силу богатырскую».
Говорит Илья да таковы слова:
«Ай же ты, удалой добрый молодец!
Я вижу силушку твою великую,
Не хочу я с тобой сражаться,
Я желаю с тобой побрататься».
Святогор-богатырь соглашается,
Со добра коня да опускается,
И раскинули они тут бел шатер,
А коней спустили во луга зеленые,
Во зеленые луга они стреножили.
Сошли они оба во белóй шатер,
Они друг другу порассказалися,
Золотыми крестами поменялися,
Они с друг другом да побраталися,
Обнялись они, поцеловалися, —
Святогор-богатырь да будет больший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат.
Хлеба-соли тут они откушали,
Белой лебеди порушали
И легли в шатер да опочив держать.

И недолго, немало спали – трое суток,
На четверты они да просыпалися,
В путь-дороженьку да отправлялися.
Как седлали они да коней добрых,
И поехали они да не в чисто поле,
А поехали они да по святым горам,
По святым горам да Араратским.
Прискакали на гору Елеонскую,
Как увидели они да чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное:
На горы на Елеонския
Как стоит тут да дубовый гроб.
Как богатыри с коней спустилися,
Они ко гробу к этому да наклонилися,
Говорит Святогор да таковы слова
«А кому в этом гробе лежать сужено?
Ты послушай-ка, мой меньший брат,
Ты ложись-ка во гроб да померяйся,
Тебе ладен ли да тот дубовый гроб».
Илья Муромец да тут послушался
Своего ли братца большего,
Он ложился, Илья, да в тот дубовый гроб.
Этот гроб Ильи да не поладился,
Он в длину длинён и в ширину широк.
И ставал Илья да с того гроба,
А ложился в гроб да Святогор-богатырь.
Святогору гроб да поладился,
В длину по меры и в ширину как раз.
Говорит Святогор да Ильи Муромцу:
«Ай же ты, Илья да мой меньший брат,
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, полюбуюся».
Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
«Ай же ты, Илюшенька да Муромец!
Мне в гробу лежать да тяжелешенько,
Мне дышать-то нечем, да тошнешенько,
Ты открой-ка крышечку дубовую,
Ты подай-ка мне да свежа воздуху».
Как крышечка не поднимается,
Даже щелочка не открывается.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ты разбей-ка крышечку саблей вострою».
Илья Святогора послушался,
Берет он саблю вострую,
Ударяет по гробу дубовому.
А куда ударит Илья Муромец,
Тут становятся обручи железные.
Начал бить Илья да вдоль и поперек, —

Все железные обручи становятся.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ах ты, меньший брат да Илья Муромец!
Видно, тут мне, богатырю, кончинушка.
Ты схорони меня да во сыру землю,
Ты бери-тко моего коня да богатырского,
Наклонись-ка ты ко гробу ко дубовому,
Я здохну тебе да в личко белое,
У тя силушки да поприбавится».
Говорит Илья да таковы слова:
«У меня головушка есть с проседью,
Мне твоей-то силушки не надобно,
А мне своей-то силушки достаточно.
Если силушки у меня да прибавится,
Меня не будет носить да мать сыра земля.
И не наб мне твоего коня да богатырского,
А мне-ка служит верой-правдою
Мне старой Бурушка косматенький».
Тута братица да распростилися,
Святогор остался лежать да во сырой земли,
А Илья Муромец поехал по святой Руси
Ко тому ко городу ко Киеву
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Рассказал он чудо чудное,
Как схоронил он Святогора да богатыря
На той горы на Елеонскийи.
Да тут Святогору и славу поют,
А Ильи Муромцу да хвалу дают.
А на том былинка и закончилась.

Илья и Соловей-разбойник

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме.
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черным-черно́,
А и черным-черно, как черна вóрона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей.
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую,
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы черниговски!
Я нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А й по той по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли-то у Грязи-то у Чернойей,
Да у той ли у березы у поклапыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-солóвьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли-то от посвиста соловьего,
И от его ли-то от покрика звериного
То все травушки-муравы уплетаются,

Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей – то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой – пятьсот есть верст,
Ай окольной дорожкой – цела тысяча».
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко той ли ко березе ко поклапяя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонялися.
Его добрый конь да богатырский
А он на корзні да спотыкается.
А и как старый-то казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корзни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?»
А й тут старый казак да Илья Муромец,
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковую натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал.
Он стрелил в того-то Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному.
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повез да соловьиного.
Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимые.
Больша дочка – эта смотрит во окошечко косящато,
Говорит она да таковы слова:
«Едет-то наш батюшка чистым полем,

А сидит-то на добром коне,
И везет он мужичища-деревенщину
Да ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшка раздольцем чистым полем,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то она да таковы слова:
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-ка рогатины звериные
Да бегите-ка в раздольце чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватили как рогатины звериные,
Бежали-то они да во чисто поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьцем медвяным,
Да й дарите ему дары драгоценные!»
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
Ай зовут-то мужика да деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.
Да мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
Ай Владимир-князь он вышел из Божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А и тут старый казак да Илья Муромец

Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Приходил он во столовую во горенку,
На пята он дверь-то поразмахивал,
Крест-то клал он по-писа́ному,
Вел поклоны по-ученому,
На все три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.
Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
«Ты скажи-ко, ты откулешний, дородный
добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именём зовут,
Величают, удалого, по отечеству?»
Говорил-то старый казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович».
Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же старый казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный
Киев-град?
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай ты, славный Владимир стольнокиевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муроме,
Ай к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то
Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную.
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест».
Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыга́ешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься.
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А у той ли-то у Гязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпой,

У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному.
То все травушки-муравы улетаются,
А лазоревы цветки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный».
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скорошенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накиннул на одно плечко,
Тут он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил-то он на свой широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-ко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-ко, собака, по-звериному!»
Говорил Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати».
Говорил Владимир-князь да стольнокиевский:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Прикажи-ко засвистать ты Соловью да по-соловьему,
Прикажи-ко закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-ко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-ко ты во полкрика звериного».
Говорил-то ему Соловей-разбойник
Одихмантьев сын:
«Ай же старый казак ты, Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-ка князю ты Владимиру
Налить чару мне да зеленá вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина, —
Мои раночки кровавы поразбйдутся,
Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».

Говорил Илья-то князю он Владимиру:
«Ты Владимир князь да стольнокиевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ка чару зелена вина.
Ты не малую стопу – да полтора ведра,
Поднеси-ка Соловью-разбойнику».
Тут Владимир князь да стольнокиевский
Он скорёнько шел в столу свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу – да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкóй,
Выпил чарочку ту Соловей одним духóм.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному, —
Маковки на теремах покрíвились,
А окóленки во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
Что есть людюшек, так все мертвы лежат,
А Владимир князь стольнокиевский
Куньей шубонькой он укрывается.
А и тут старый казак да Илья Муромец
Он скорешенько садился на добра коня,
И он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко слезить да отцов-мáтерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молóдых.
Тебе полно-тко спущать сиротать малых детушек!»
А тут Соловью ему и славу поют,
А й славу поют ему век по веку!

Илья Муромец и голи кабацкие

Славныя Владимир стольнёкиевской
Собирал-то он славный почестей пир
На многих князей он и бояров,
Славных сильных могучих богатырей;
А на пир ли-то он не позвал
Старого казака Илья Муромца.
Старому казаку Илье Муромцу
За досаду показалось-то великую,
И он не знает, что ведь сделати
Супротив тому князю Владимиру.
И он берет-то как свой тугой лук розрывчатой,
А он стрелочки берет каленыи,
Выходил Илья он да на Киев-град
И по граду Киеву стал он похаживать
И на матушки Божьи церкви погуливать.
На церквах-то он кресты вси да повыломал,
Маковки он залочены вси повыстрелял.
Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
«Ай же, пьяници вы, голюшки кабацкий!
Да и выходите с кабаков, домов питейных
И обирайте-тко вы маковки да золоченый,
То несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина дбсыта».
Там доносят-то ведь князю да Владимиру:
«Ай Владимир князь да стольнёкиевской!
А ты ешь да пьешь да на честном пиру,
А как старой-от казак да Илья Муромец
Ён по городу по Киеву похаживат,
Ён на матушки Божьи церкви погуливат,
На Божьих церквах кресты повыломил.
А всё маковки он золоченый повыстрелял;
А й кричит-то ведь Илья он во всю голову,
Во всю голову кричит он громким голосом:
«Ай же, пьяници вы, голюшки кабацкий!
И выходите с кабаков, домов питейных
И обирайте-тко вы маковки да золоченый,
Да и несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина дбсыта».
Тут Владимир-князь да стольнёкиевской
И он стал, Владимир, дума думати,
Ему как-то надобно с Ильей помириться.
И завел Владимир-князь да стольнёкиевской,
Он завел почестей пир да и на другой день.
Тут Владимир-князь да стольнёкиевской

Да 'ще стал да и дума думати:
«Мне кого послать будет на пир позвать
Того старого казака Илью Муромца?
Самому пойти мне-то, Владимиру, не хочется,
А Опраксию послать, то не к лицу идет».
И он как шел-то по столовой своей горенке.
Шел-то он о столики дубовый,
Становился супротив молодого Добрынюшки,
Говорил Добрыне таковы слова:
«Ты молоденькой Добрынюшка, сходи-тко ты
К старому казаку к Ильи Муромцу,
Да зайди в палаты белокаменны,
Да пройди-тко во столовую во горенку,
На пята-то дверь ты порозмахивай,
Еще крест клади да й по-писаному,
Да й поклон веди-тко по-ученому,
А й ты бей челом да низко кланяйся
А й до тых полов и до кирпичных,
А й до самой матушки сырой земли
Старому казаку Ильи Муромцу,
Говори-тко Ильи ты да таковы слова:
«Ай ты старья казак да Илья Муромец!
Я пришел к тебе от князя от Владимира
И от Опраксии от королевичной,
Да пришел тебе позвать я на почестей пир».
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Ён скорешенько-то стал да на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинуд на одно плечко,
Да он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил он со столовый со горенки,
Да й прошел палатой белокаменной,
Выходил Добрыня он на Киев-град,
Ён пошел-то как по городу по Киеву,
Пришел к старому казаку к Илье Муромцу
Да в его палаты белокаменны.
Ён пришел как во столовую во горенку,
На пята-то он дверь да порозмахивал,
Да он крест-от клал да по-писаному,
Да й поклоны вел да по-ученому,
А 'ще бил-то он челом да низко кланялся
А й до тых полов и до кирпичных,
Да й до самой матушки сырой земли.
Говорил-то ён Илье да таковы слова:
«Ай же, братец ты мой да крестовый,
Старья казак да Илья Муромец!
Я к тоби послан от князя от Владимира,
От Опраксы королевичной,
А й позвать тебя да й на почестей пир».
Еще старый-от казак да Илья Муромец

Скорешенько ставал он на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Да он шапоньку соболью на одно ушко,
Выходили со столовый со горенки,
Да прошли они палатой белокаменной,
Выходили-то они на стольний Киев-град,
Пошли оны ко князю к Владимиру
Да й на славный-от почестей пир.
Там Владимир-князь да стольнёкиевской
Он во горенки да ведь похаживал,
Да в окошечко он, князь, посматривал,
Говорил-то со Опраксой-королевичной:
«Пойдут-ли ко мне как два рускиих богатыря
Да на мой-от славный на почестей пир?»
И прошли они в палату в белокаменну,
И взошли они в столовую во горенку.
Тут Владимир-князь да стольнёкиевской
Со Опраксией да королевичной
Подошли-то они к старому казаку к Илье Муромцу,
Они брали-то за ручушки за бельи,
Говорили-то они да таковы слова:
«Ай же, старья казак ты, Илья Муромец!
Твое местечко было да ведь пониже всех,
Топерь местечко за столиком повыше всех!
Ты садись-ко да за столик за дубовый».
Тут кормили его ествушкой сахарнею,
А й поили питьицем медвяным.
Они тут с Ильей и помирился.

Илья Муромец и Идолище в Киеве

Ай во славном было городе во Киеви
Ай у ласкового князя у Владимира
Ишше были-жили тут бояры кособрюхие,
Насказали на Илью-ту всё на Муромця, —
Ай такима он словами похваляется:
«Я ведь князя-та Владимира повыживу,
Сам я сяду-ту во Киев на его место,
Сам я буду у его да всё князём княжить».
Ай об этом они с князем прироспобрили.
Говорит-то князь Владимир таковы речи:
«Прогоню тебя, Илья да Илья Муромець,
Прогоню тебя из славного из города из Киёва,
Не ходи ты, Илья Муромець, да в красен Киев-град».
Говорил-то тут Илья всё таковы слова:
«А ведь при́дет под тебя кака сила неверная,
Хоть неверна-та сила бусурманьская, —
Я тебя тогды хошь из неволюшки не выруццо».
Ай поехал Илья Муромець в цисто поле,
Из циста поля отправился во город-от во Муром-то,
Ай во то ли во село, село Качарово
Как он жить-то ко своёму к отцу, матушки.
Он ведь у отца живет, у матушки,
Он немало и немного живет – три года.
Тут слышал ли Идолишшо проклятоё,
Ище тот ли царишше всё неверное:
Нету, нет Ильи-то Муромця жива три годицька.
Ай как тут стал-то Идолишшо подумывать,
Он подумывать стал да собираться тут.
Насбирал-то он силы всё тотарьскою,
Он тотарьскою силы, бусурманьскою,
Насбирал-то он ведь силу, сам отправился.
Подошла сила тотарьска-бусурманьская.
Подошла же эта силушка близехонько
Ко тому она ко городу ко Киеву.
Тут выходит тотарин-от Идолишшо всё из бела шатра,
Он писал-то ёрлычкí всё скорописчаты,
Посылает он тотарина поганого.
Написал он в ёрлычках всё скорописчатых:
«Я зайду, зайду Идолишшо, во Киев-град,
Я ведь выжгу-то ведь Киев-град, Божьи церкви;
Выбирался-то штобы князь из палатушек, —
Я займу, займу палаты белокаменны.
Только я пушшу в палаты белокаменны,
Опраксеюшку возьму всё Королевисьню.
Я Владимира-та князя я поставлю-ту на кухню-ту,

Я на кухню-ту поставлю на меня варить».
Он тут скоро тотарин-от приходит к им,
Он приходит тут-то тотарин на широкий двор,
С широка двора – в палаты княженецкия,
Он ведь рубит, казнит у придверницьков всё буйны
головы;
Отдаёт ёрлычки-то скорописчаты.
Прочитали ёрлыки скоро, заплакали,
Говорят-то – в ёрлычках да всё описано:
«Выбирайся, удаляйся, князь, ты из палатушек,
Наряжайся ты на кухню варить поваром».
Выбирался князь Владимир стольнекиевской
Из своих же из палатушек крутешенько;
Ай скорешенько Владимир выбирается,
Выбирается Владимир – сам слезами уливается.
Занимает [Идолище] княженевськи все палатушки,
Хочет взять он Опраксеюшку себе в палатушку.
Говорит-то Опраксеюшка таки речи:
«Уж ты гой еси, Идблищо, неверной царь!
Ты поспеешь ты меня взять да во свои руки».
Говорит-то ей ведь царь да таковы слова:
«Я уважу, Опраксеюшка, ещё два деницька,
Через два-то через дня как будешь не княгиной ты,
Не княгиной будешь жить, да всё царицею».
Рознемогся-то во ту пору казак да Илья Муромець.
Он не мог-то за обедом пообедати,
Розболелось у его всё ретивь сердце,
Закипела у его всё кровь горячая.
Говорит-то всё Илья сам таковы слова:
«Я не знаю, отчего да незамог совсим,
Не могу терпеть жить-то у себя в доми.
Надо съездить попроведать во чисто полё,
Надоть съездить попроведать в красен Киёв-град».
Он седлал, сбирал своёго всё Белёюшка,
Нарядил скоро своего коня доброго,
Сам садился-то он скоро на добра коня,
Он садился во седельшко чиркальскойё,
Он ведь резвы свои ноги в стремяна всё клал.
Тут поехал-то Илья наш, Илья Муромець,
Илья Муромець поехал, свет Иванович.
Он приехал тут да во чисто поле,
Из чиста поля поехал в красен Киёв-град.
Он оставил-то добра коня на широком двори,
Он пошел скоро по городу по Киеву.
Он нашел, нашел калику перехожую,
Перехожую калику переброжую,
Попросил-то у калики всё платье каличьёго.
Он ведь дал-то ему платье всё от радости,
От радости скинывал калика платицё,

Он от радости платье от великою.
Ай пошел скоро Илья тут под окошецько,
Под окошецько пришел к палатам белокаменным.
Закричал же он, Илья-та, во всю голову,
Ишше тем ли он ведь криком богатырским тут.
Говорил-то Илья, да Илья Муромець,
Илья Муромець да сам Ивановичь:
«Ай подай-ко, князь Владимир, мне-ка милостинку,
Ай подай-ко, подай милостинку мне спасеную,
Ты подай, подай мне ради-то Христа, царя небесного.
Ради Матери Божьей, царицы Богородици».
Говорит-то Илья, да Илья Муромець,
Говорит-то он, кричит всё во второй након:
«Ай подай ты, подай милостину спасеную,
Ай подай-ко-се ты, красно мое солнышко,
Уж ты ласковой подай, да мой Владимир-князь!
Ай не для-ради подай ты для кого-нибудь,
Ты подай-ка для Ильи, ты Ильи Муромця,
Ильи Муромця подай, сына Ивановичя».
Тут скорехонько к окошецьку подходит князь,
Отпират ему окошецько коси́сцято,
Говорит-то князь да таковы реци:
«Уж ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!
Я живу-ту всё, калика, не по-прежнему,
Не по-прежнему живу, не по-досельнѣму, —
Я не смею подать милостинки всё спасеную.
Не дават-то ведь царишшо всё Идолишшо
Поминать-то он Христа, царя небесного,
Во вторых-то поминать да Илью Муромця.
Я живу-ту, князь – лишился я палат все
белокаменных,
Ай живет у мня поганое Идолишшо
Во моих-то во палатах белокаменных;
Я варю-то на его, всё живу поваром,
Подношу-то я тотарину всё кушаньѣ».
Закричал-то тут Илья да во третей након:
«Ты поди-ко, князь Владимир, ты ко мне выйди,
Не увидели штобы царишша повара, его.
Я скажу тебе два тайного словечушка».
Он скорехонько выходит, князь Владимир наш,
Он выходит на широку светлу улоцьку.
«Што ты, красно наше солнышко, поху́дело,
Што ты, ласков наш Владимир-князь ты
стольнѣкиевской?
Я ведь чуть топерь тебя признать могу».
Говорит-то князь Владимир стольнѣкиевской:
«Я варю-то, всё живу за повара;
Похудела-то княгина Опраксея Королевисьня,

Она день-от это дня да всё ише хуже». —
«Уж ты гой еси, мое ты красно солнышко,
Еще ласков князь Владимир стольнёкиевской!
Ты не мог узнать Ильи, да Ильи Муромця?»
Ведь тут падал Владимир во резвы ноги:
«Ты прости, прости, Илья, ты виноватого!»
Подымал скоро Илья всё князя из резвых он ног,
Обнимал-то он его своей-то ручкой правою,
Прижимал-то князя Владимира да к ретиву сердцу,
Целовал-то он его в уста сахарныя:
«Не тужи-то ты теперь, да красно солнышко!
Я тепере из неволюшки тебя повыручу.
Я пойду теперь к Идолишшу в палату белокаменну,
Я пойду-то к ему на глаза-ти всё,
Я скажу, скажу Идолишшу поганому.
«Я пришел-то, царь, к тебе всё посмотреть тебя».
Говорит-то тут ведь красно наше солнышко,
Што Владимир-от князь да стольнёкиевской:
«Ты поди, поди к царишшу во палатушки».
Ай заходит тут Илья да во палатушки,
Он заходит-то ведь, говорит да таковы слова:
«Ты поганое, сидишь, да всё Идóлишшо,
Ише тот ли сидишь, да царь неверной ты!
Я пришел, пришел тебя да посмотреть теперь».
Говорит-то всё погано-то Идолишшо,
Говорит-то тут царишшо-то неверное:
«Ты смотри меня – я не гоню тебя».
Говорит-то тут Илья, да Илья Муромець:
«Я пришел-то всё к тебе да скору весть принес,
Скору весточку принес, всё весть нерадостну:
Всё Илья-та ведь Муромець живёхонёк,
Ай живёхонёк всё здоровёшенёк,
Я встретил всё его да во чистом поли.
Он остался во чистом поле поездить-то,
Што поездить-то ему да пополяковать;
Заутра́ хочет приехать в красен Киёв-град».
Говорит ему Идолишшо, да всё неверной царь:
«Еще велик ли, – я спрошу у тя, калика, —
Илья Муромець?»
Говорит-то калика-та Илья Муромець:
«Илья Муромець-то будет он во мой же рост».
Говорит-то тут Идолишшо, выпрашиват:
«Э, по многу ли ест хлеба Илья Муромець?»
Говорит-то калика перехожая:
«Он ведь кушат-то хлеба по единому,
По единому-еднóму он по ломтю к выти». —
«Он по многу ли ведь пьет да пива пьяного?» —
«Он ведь пьет пива пьяного всёго один пивной стакан».
Россмехнулся тут Идолишшо поганое:

«Што же, почему вы этим Ильею на Руси-то хвастают?
На долонь его полбжу, я другой прижму, —
Остаётся меж руками што одно мокро».
Говорит-то тут калика перехожая:
«Еще ты ведь по многу ли, царь, пьёшь и ешь,
Ты ведь пьешь, ты и ешь, да всё кушаешь?» —
«Я-то пью-ту, я всё чарочку пью пива полтора ведра,
Я всё кушаю хлеба по семи пудов;
Я ведь мяса-то ем – к выти всё быка я съем».
Говорит-то на те речи Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановичь:
«У моёго всё у батюшки родимого
Там была-то всё корова-то обжорчива,
Она много пила да много ела тут —
У ей скоро ведь брюшина-та тут треснула».
Показалось-то царицу всё не в удовольствии, —
Он хватал-то из ногалища булатен нож,
Он кина́л-то ведь в калику перехожую.
Ай миловал калику Спас Пречистой наш:
Отвернулся-то калика в другу сторону.
Скиныва́л-то Илья шляпу с головушки,
Он ведь ту-ту скинывал всё шляпу сорочиньскую,
Он кина́л, кина́л в Идолишша всё шляпою.
Он ведь кинул – угодил в тотарьску саму голову.
Улетел же тут тотарин из простенка вон,
Да ведь вылетел тотарин всё на улицу.
Побежал-то Илья Муромець скорешенько
Он на ту ли на широку светлу улицу,
Он рубил-то всё он тут силу тотарьскую,
Он тотарьску-ту силу, бусурманьскую, —
Он избил-то, изрубил силу великую.
Приказал-то князь Владимир-от звонить всё
в большой колокол,
За Илью-ту петь обедни-ти с молебнами:
«Не за меня-то молитесь, за Илью за Муромця».
Собирал-то он почестей пир,
Ай почестей собирал для Ильи да все для Муромця.

Илья Муромец и Идолище в Царе-граде

Как сильное могуче-то Иванище,
Как он, Иванище, справляется,
Как он-то тут, Иван, да снаряжается
Идти к городу еще Еросблиму,
Как Господу там Богу помолитися,
Во Ердань там реченьке купатися,
В кипарисном деревце сушиться,
Господнему да гробу приложиться.
А сильное-то могуче Иванище,
У него лапотцы на ножках семи шелков,
Ключа́-то у него ведь сорок пуд;
Как ино тут промеж-то лапотцы поплётены
Каменья-то были самоцветные:
Как меженный день да шел он по красному солнышку,
В осенню ночь он шел по дорогомому камению
самоцветному.
Ино тут это сильное могучее Иванище
Сходил к городу еще Еросолиму
Там Господу-то Богу он молился есть,
Во Ердань-то реченьке купался он,
В кипарисном деревце сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он, Иван, поворот держал,
Назад-то он тут шел мимо Царь-от-град,
Как тут было еще в Царі-граде,
Наехало погано тут Идолище,
Одолели как поганы все татарева;
Как скоро тут святые образа были поколоты
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В Божьих-то церквах он начал тут коней кормить.
Как это сильно могуче тут Иванище
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил погана на чисто поле,
А начал у поганого допрашивать:
«Ай же ты, татарин да неверный был!
А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идолище,
Велик ли-то он ростом собой да был?»
Говорит татарин таково слово:
«Как есть у нас погано есть Идолище
В долину две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная,
А головище что ведь люто лохалище,
А глазища что пивные чашища,
А нос-от на роже он с локоть был».

Как хватил-то он татарина тут за руку,
Бросал он его во чисто поле,
А разлетелись у татарина тут косточки.
Пошел-то тут Иванище вперед опять,
Идет он путем да дорожкой,
Навстречу тут ему да встречается
Старый казак Илья Муромец:
«Здравствуй-ка ты, старый казак Илья Муромец!»
Как он его ведь тут еще здоровствует:
«Здравствуй, сильное могуче ты Иванище!
Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
А ты откуль еще свой да путь держишь?» —
«А я бреду, Илья ещё Муромец,
От того я города Еросолима.
Я там был ино Господу Богу молился там,
Во Ердань-то реченьке купался там,
А в кипарисном деревце сушился там,
Ко Господнему гробу приложился был.
Как скоро я назад тут поворот держал,
Шел-то я назад мимо Царь-от-град».
Как начал тут Илюшенька спрашивать,
Как начал тут Илюшенька доведывать:
«Как все ли-то в Царі-граде по-старому,
Как все ли-то в Царі-граде по-прежнему?»
А говорит тут Иван таково слово:
«Как в Царі-граде-то нынче не по-старому,
В Царі-граде-то нынче не по-прежнему.
Одолели есть поганые татарева,
Наехал есть поганое Идолище,
Святые образа были поколоты,
В черные грязи были потоптаны,
Да во Божьих церквах там коней кормят». —
«Дурак ты, сильное могуче есть Иванище!
Силы у тебя есте с два меня,
Смелости, хватки половинки нет.
За первые бы речи тебя жаловал,
За эти бы тебя й нака́зал
По тому-то телу по на́гому!
Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина
Боголюбова?
Как ино скоро разувай же с ног,
Лапотцы разувай семи шелков,
А обувай мои башмачики сафьянные,
Сокручуся я каликой перехожею».
Сокрутился он каликой перехожею,
Дават-то ему тут своего добра коня:
«На-ка, сильное могуче ты Иванище,
А на-ка ведь моего ты добра коня;
Хотя ты ездил, хоть водком води,

А столько еще, сильное могуче ты Иванище,
Живи-то ты на улóвном этом мéстечке,
А живи-тко ты еще, ожидай меня,
Назад-то сюда буду я обратно бы.
Давай сюда клюшу-то мне-ка сорок пуд».
Не дойдет тут Ивану разговаривать:
Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд,
Взимат-то он от него тут добра коня.
Пошел тут Илюшенька скорым-скоро
Той ли-то каликой перехожею.
Как приходил Илюшенька во Царь-от-град,
Хватил он там татарина под пазуху,
Вытащил его он на чисто поле,
Как начал у татарина доспрашивать:
«Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идолище?»
Как говорит татарин таково слово:
«Есть у нас поганое Идолище,
А росту две сажени печатных,
В ширину сажень была печатная,
А головище – что ведь лютое лохалище,
Глазища – что ведь пивные чашища,
А нос-от ведь на роже с локоть был».
Хватил-то он татарина за руку,
Бросил он его во чисто поле,
Разлетелись у него тут косточки.
Как тут-то ведь еще Илья Муромец
Заходит Илюшенька во Царь-от-град,
Закричал Илья тут во всю голову:
«Ах ты, царь да Костянтин Боголюбovich!
А дай-ка мне, калике перехожеей,
Злато мне, милостыню спасеную».
Как ино царь он Костянтин он Боголюбovich
Он-то ведь уж тут зрадовается.
Как тут в Царí-граде от крику еще каличьего
Теремы-то ведь тут пошаталися,
Хрустальные оконнички посыпалися,
Как у поганого сердечко тут ужахнулось.
Как говорит поганый таково слово:
«А царь ты Костянтин Боголюбов был!
Какой это калика перехожая?»
Говорит тут Костянтин таково слово:
«Это есте русская калика zde». —
«Возьми-ка ты каликушку к себе его,
Корми-ка ты каликушку да пой его,
Надай-ка ему ты злата-сéребра,
Надай-ка ему злата ты дóлюби».
Взимал он, царь Костянтин Боголюбovich,

Взимал он тут каликушку к себе его
В особый-то покой да в потайный,
Кормил, поил калику, зрадовается,
И сам-то он ему воспроговорит:
«Да не красное ль то солнышко порбспекло,
Не млад ли zde светел месяц порбссветил?
Как нынечку-топеречку zde еще,
Как нам еще сюда показался бы
Как старый казак здесь Илья Муромец!
Как нынь-то есть было топеречку
От тьи беды он нас повыручит,
От тьи от смерти безнапрасны!»
Как тут это поганое Идолище
Взимает он калику на доспрос к себи:
«Да ай же ты, калика было русская!
Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,
Какой-то на Руси у вас богатырь есть,
А старый казак есть Илья Муромец?
Велик ли ростом, по многу ль хлеба ест,
По многу ль ещё пьет зелена вина?»
Как тут эта калика было русская,
Начал он калика тут высказывать:
«Да ай же ты, поганое Идолище!
У нас-то есть во Киеве
Илья-то ведь да Муромец,
А волосом да возрастом равным с меня,
А мы с ним были братица крестовые;
А хлеба ест как по три-то калачика крупивчатых,
А пьет-то зелена вина на три пяточика на медных». —
«Да черт-то ведь во Киеве-то есть, не богатырь был!
А был бы-то ведь zde да богатырь тот,
Как я бы тут его на долонь ту клал,
Другой рукой опять бы сверху прижал,
А тут бы еще да ведь блин-то стал,
Дунул бы его во чисто поле!
Как я-то ещё ведь Идолище
А росту две сажени печатных,
А в ширину-то ведь сажень была печатная;
Головище у меня – да что люто лохалище,
Глазища у меня – да что пивные чашища,
Нос-то ведь на роже с локоть бы.
Как я-то ведь да к выти хлеба ем
А ведь по три-то печи печеных,
Пью-то я ещё зелена вина
А по три-то ведра я ведь мерных,
Как штей-то я хлебаю по яловицы есте русский!»
Говорит Илья тут таково слово:
«У нас как у попа было ростовского,
Как была что корова обжориста,

А много она ела, пила, тут и треснула.
Тебе-то бы, поганому, да так же быть».
Как этии тут речи не слюбилися,
Поганому ему не к лицу пришли,
Хватил он как ножище тут, кинжалище
Со того стола со дубова,
Как бросил он во Илью-то Муромца,
Что в эту калику перехожую.
Как тут-то ведь Илье не дойдет сидеть,
Как скоро он от ножика отскакивал,
Колпаком тот ножик приотваживал;
Как пролетел тут ножик да мимо-то,
Ударял он во дверь во дубовую;
Как выскочила дверь тут с ободвериной,
Улетела тая дверь да во сени те,
Двенадцать там своих да татаровой
Намертво убило, друго ранило.
Как остальны татары проклинаят тут:
«Буди трою проклят, наш татарин ты!»
Как тут опять Илюше не дойдет сидеть,
Скоро он к поганому подскакивал,
Ударил как клюшой его в голову,
Как тут-то он, поганый, да захамкал есть.
Хватил затем поганого он за ноги,
Как начал он поганым тут помахивать.
Помахиват Илюша, выговариват:
«Вот мне-ка, братцы, нынче оружие по плечу пришло».
А бьет-то сам Илюша, выговариват:
«Крепок-то поганый сам на жилочках,
А тянется поганый, сам не рвется».
Начал он поганых тут охаживать
Как этиим поганыим Идолищем.
Прибил-то он поганых всех в три часу,
А не оставил тут поганого на семена.
Как царь тут Костянтин-он Боголюбович.
Благодарствует его, Илью Муромца:
«Благодарим тебя, ты старый казак Илья Муромец!
Нонь ты нас еще да повыручил,
А нонь ты нас да еще повыключил
От тьи от смерти безнапрасныи.
Ах ты, старый казак да Илья Муромец!
Живи-тко ты здесь у нас на жительство,
Пожалую тебя я воеводою».
Как говорит Илья ему Муромец:
«Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбович!
А послужил у ты только я три часа,
А выслужил у ты хлеб-соль мягкую,
Да я у ты еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо.

Служил-то я у князя Володимира,
Служил я у него ровно тридцать лет,
Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкия,
А не выслужил-то я слова там гладкого,
Слова у него я уветлива, есть приветлива.
Да ах ты, царь Костянтин Боголюбович!
Нельзя-то ведь еще мне zde-ка жить,
Нельзя-то ведь то было, невозможно есть:
Оставлен есть оставеш на дороженьке».
Как царь тот Костянтин Боголюбович
Насыпал ему чашу красна золота,
А другую-то чашу скатна жемчугу,
Третьюю еще чиста серебра.
Как принимал Илюшенька, взимал к себе,
Высыпал-то в карман злато-серебро,
Тот ли-то этот скатный жемчужок.
Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:
«Это ведь мое-то заработное».
Как тут-то с царем Костянтином распростилися,
Тут скоро Илюша поворот держал.
Придет он на уловно это местечко,
Ажно тут Иванище притаскано,
Да ажно тут Иванище придерзано.
Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с себя платья те каличие,
Разувал лапотцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьянные,
Надевал на ся платьца цветные,
Взимал тут он к себе своего добра коня;
Садился тут Илья на добра коня,
Тут-то он с Иванищем еще распрощается:
«Прощай-ка нын ты, сильное могуче Иванище!
Впредь ты так да больше не делай-ка,
А выручай-ка ты Русию от поганных».
Да поехал тут Илюшенька во Киев-град.

Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

Ездит Илья во чистом полѣ.
Говорит себе таково слово:
«Побывал я, Илья, во всех городах,
Не бывал я давно во Киеве,
Я пойду в Киев, попроведаю,
Что такое деется во Киеве».
Приходил Илья в стольный Киев-град.
У князя Владимира пир на весело.
Походит Илейко во княжой терем,
Остоялся Илейко у ободверины.
Не опознал его Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский:
«Ты откуль родом, откуль племенем,
Как тебя именем величать,
Именем величать, отцем чествовать?»
Отвечает Илья Муромец:
«Свет Владимир, красное солнышко!
Я Никита Заолешанин».
Не садил его Владимир со боярами,
Садил его Владимир с детьми боярскими.
Говорит Илья таково слово:
«Уж ты, батюшка Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский!
Не по чину место, не по силе честь:
Сам ты, князь, сидишь со воронами,
А меня садишь с воронятами».
Князю Владимиру за беду палб:
«Есть у меня, Никита, три богатыря;
Выходите-ка вы, самолучшие,
Возьмите Никиту Заолешанина,
Выкиньте вон из гридницы!»
Выходили три богатыря,
Стали Никитушку попёхивать,
Стали Никитушку поталкивать:
Никита стоит – не шатнется,
На буйной главе колпак не тряхнется.
«Ежели хошь, князь Владимир, позабавиться,
Подавай ещё трех богатырей!»
Выходило ещё три богатыря.
Стали они Никитушку попёхивать,
Стали они Никитушку поталкивать.
Никита стоит – не шатнется,
На буйной главе колпак не тряхнется.
«Ежели хошь, князь Владимир, потешиться,
Посылай ещё трех богатырей!»

Выходили третьи три богатыря:
Ничего не могли упахать с Никитушкой.
При том пиру при беседушке
Тут сидел да посидел Добрынюшка,
Добрынюшка Никитич млад;
Говорил он князю Владимиру:
«Князь Владимир, красное солнышко!
Не умел ты гостя на приезде учествовать,
На отъезде гостя не учествуешь;
Не Никитушка пришел Заолешанин,
Пришел стар казак Илья Муромец!»
Говорит Илья таково слово:
«Князь Владимир, стольный киевский!
Тебе охота попотешиться?
Ты теперь на меня гляди:
Глядячи, снимешь охоту тешиться!»
Стал он, Илейко, потешиться,
Стал он богатырей попихивать.
Сильных-могучих учал попинывать:
Богатыри по гриднице ползают,
Ни один на ноги не может встать.
Говорит Владимир стольный киевский:
«Ой ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Вот тебе место подле меня,
Хоть по правую руку аль по левую,
А третье тебе место – куда хошь садись!»
Отвечает Илья Муромец:
«Володимир, князь земли Святорусския!
Правду сказывал Добрынюшка,
Добрынюшка Никитич млад:
Не умел ты гостя на приезде учествовать,
На отъезде гостя не учествуешь!
Сам ты сидел со воронами,
А меня садил с воронятами!»

Илья Муромец и Калин-царь

Как Владимир князь да стольнокиевский
Поразгневался на старого казака Илью Муромца,
Засадил его во погреб во глубокий,
Во глубокий погреб во холодный
Да на три-то года поры-времени.
А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинакая,
Она видит: это дело есть немалое,
Что посадил Владимир князь да стольнокиевский
Старого казака Илью Муромца
В тот во погреб во холодный.
А он мог бы постоять один за веру, за отечество,
Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы побережь он князя да Владимира,
Мог бы побережь Опраксу Королевичну.
Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да потаенных,
Приказала-то на погреб на холодный
Да снести перины да подушечки пуховые,
Одеяла приказала снести теплые,
Она ествушку поставить да хорошую
И одежду сменять с нова-на-ново
Тому старому казаку Илье Муромцу.
А Владимир-князь про то не ведает.
И воспылал-то тут собака Калин-царь на Киев-град,
И хотит он разорить да стольный Киев-град,
Чернедь-мужичков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голова срубить
Да со той Опраксой Королевичной.
Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольный Киев-град,
И дает ему он грамоту посыльную.
И посланнику-то он наказывал:
«Как поедешь ты во стольный Киев-град,
Будешь ты, посланник, в стольном Киеве
Да у славного у князя у Владимира,
Будешь у него на широком дворе
И сойдешь как тут ты со добра коня,
Да й спушай коня ты на посыльный двор,
Сам поди-ко во палату белокаменну;
Да пройдешь палатой белокаменной,
Войдешь в его столовую во горенку,
На пятую ты дверь да поразмахивай,

Не снимай-ко кивера́ с головушки,
Подходи-ко ты ко столику к дубовому,
Становись-ко супротив князя Владимира,
Полагай-ко грамоту на зóлот стол;
Говори-ко князю ты Владимиру:
«Ты Владимир, князь да стольнокиевский,
Ты бери-тко грамоту посылную
Да смотри, что в грамоте написано,
Да гляди, что в грамоте да напечатано;
Очищай-ко ты все улички стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие
По всему-то городу по Киеву,
А по всем по улицам широкиим
Да по всем-то переулкам княженецкиим
Наставь сладких хмельных напитокков,
Чтоб стояли бочка-б-бочку близко-пб-близку,
Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину
Со своими-то войсками со великими
Во твоём во городе во Киеве».
(Приезжал посол в стольный Киев-град
Ко князю ко Владимиру на широкий двор.
Спускает коня на посылный двор,
Сам идет в палату белокаменну;
На пята он дверь поразмахивал,
Креста он не клал по-писаному,
И не вел поклонов по-ученому
Ни самому-то князю Владимиру
И ни его князьям подколенным.
Полагал он грамоту посылную на зóлот стол.)
Тут Владимир князь да стольнокиевский
Брал-то книгу он посылную,
Да и грамоту ту распечатывал,
И смотрел, что в грамоте написано,
И смотрел, что в грамоте да напечатано,
И что велено очистить улицы стрелецкие
И большие двóры княженецкие,
Да наставить сладких хмельных напитокков
А по всем по улицам по широкиим
Да по всем-то переулкам княженецкиим.
Тут Владимир князь да стольнокиевский
Видит: есть это дело немалое,
А немалое, дело-то, великое,
А садился-то Владимир да на червлёный стул.
Да писал-то ведь он грамоту повинную:
«Ай же ты собака да и Калин-царь!
Дай-ко мне ты поры-времечка на три года,
На три года дай и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня,
Мне очистить улицы стрелецкие,

Все великие дворы да княженецкие,
Накурить мне сладких хмельных напитокков
Да наставить по всему по городу по Киеву
Да по всем по улицам широкиим,
По всем славным переулкам княженецкиим».
Отсылает эту грамоту повинную,
Отсылает ко собаке царю Калину.
А й собака тот да Калин-царь
Дал ему он поры-времечка на три года,
На три года дал и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня.
А неделя за неделей, как река, бежит,
Прошло поры-времечка да три года,
А три года да три месяца,
А три месяца и еще три дня.
Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
От подъехал ведь под Киев-град
Со своими со войсками со великими.
Тут Владимир князь да стольнокиевский,
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
«Нет жива́-то старого казака Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять за церкви ведь за божие,
Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира
Да и той Опраксы Королевичны!»
Говорит ему любима дочь таковы слова:
«Ай ты батюшко Владимир, князь наш
стольнокиевский,
Ведь есть жив-то старый казак да Илья Муромец,
Ведь он жив на погребе на холодном».
Тут Владимир князь да стольнокиевский,
Он скорешенько берет да золоты ключи
Да идет на погреб на холодный,
Отмыкает он скоренько погреб да холодный
Да подходит ко решеткам ко железным;
Растворил-то он решетки да железные,
Да там старый казак да Илья Муромец,
Он во погребе сидит-то, сам не старится,
Там перинушки, подушечки пуховые,
Одеяла снесены там теплые,
Ествушка поставлена хорошая,
А одежица на нем да живет сменная.
Он берет его за ручушки за белые,
За его за перстни за злаченные,
Выводил его со погреба холодного,

Приводил его в палату белокаменну,
Становил-то он Илью да супротив себя,
Целовал в уста его во сахарны,
Заводил его за столики дубовые,
Да садил Илью-то он подле себя,
И кормил его да ествушкой сахарною,
Да поил-то питьищем медвяным,
Говорил-то он Илье да таковы слова:
«Ай же старый ты казак да Илья Муромец!
Наш-то Киев-град нынь в полону стоит,
Обошел собака Калин-царь наш Киев-град
Со своими со войсками со великими.
А постой-ко ты за веру, за отечество,
И постой-ко ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки божьи церкви,
Да постой-ко ты за князя за Владимира,
Да постой-ко за Опраксу Королевичну!»
Как тут старый казак да Илья Муромец
Выходил он со палаты белокаменной,
Шел по городу он да по Киеву,
Заходил в свою палату белокаменну,
Да спросил-то как он паробка любимого,
Шел со паробком да со любимым
На свой на славный на широкий двор.
Заходил он во конюшенку в стоялюю,
Посмотрел добра коня он богатырского.
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же ты, мой паробок любимый,
Хорошо держал моего коня ты богатырского!»
Выводил добра коня с конюшенки стоялыи.
А й на тот на славный на широкий двор.
А й тут старый казак да Илья Муромец
Стал добра коня он заседлывать:
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек,
Потничек он клал да ведь шелковенький,
А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седельшко не держано,
И подтягивал двенадцать подпругов шелковых,
И шпилечики он втягивал булатные,
А стремяночки покладывал булатные,
Пряжечки покладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества,
Ради крепости все богатырской:
Еще подпруги шелковы тянутся, да они не рвутся,
Да булат-железо гнется, не ломается,
Пряжечки да красна золота,
Они мокнут, да не ржавеют.

И садился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские:
Во-первых, брал палицу булатную,
Во-вторых, брал копьё бурзамецкое,
А еще брал свою саблю вострую,
А еще брал шалыгу подорожную,
И поехал он из города из Киева.
Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко войскам ко татарским
Посмотреть на войска на татарские:
Нагнано-то силы много-множество,
Как от покрику от человеческого,
Как от ржанья лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старый казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-краю силушке наехати.
Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую,
Конца-краю силы насмотреть не мог.
И повыскочил он на гору на другую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Конца-краю силы насмотреть не мог.
Он спустился с той со горы со высокий,
Да он ехал по раздольицу чисту полю
И повыскочил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону,
Насмотрел он под восточной стороной,
Насмотрел он там шатры белые
И у белых у шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той горы высокий
И поехал по раздольицу чисту полю.
Приезжал Илья ко шатрам ко белым,
Как сходил Илья да со добра коня
Да у тех шатров у белых
А там стоят кони богатырские,
У того ли полотна стоят у белого,
Они зоблют-то пшеницу да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
«Поотведать мне-ка счастья великого».
Он накинул поводья шелковые
На добра коня да богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
«А й допустят ли-то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому
Позобать пшеницу да белоярову?»
Его добрый конь идет-то грудью к полотну,

А идет зобать пшenu да белоярову.
Старый казак да Илья Муромец
А идет он да во бел шатер.
Приходит Илья Муромец во бел шатер.
В том белом шатре двенадцать богатырей,
И богатыри все святорусские,
Они сели хлеба-соли кушати,
А и сели-то они да пообедати.
Говорит Илья да таковы слова:
«Хлеб да соль, богатыри святорусские,
А и крестный ты мой батюшка,
А Самсон да ты Самойлович!»
Говорит ему да крестный батюшка:
«А й поди ты, крестничек любимый,
Старый казак да Илья Муромец,
А садись-ко с нами пообедати».
И он встал да на резвы ноги,
С Ильей Муромцем да поздоровкались,
Поздоровкались они да целовались,
Посадили Илью Муромца за единый стол
Хлеба-соли да покушати.
Их двенадцать-то богатырей,
Илья Муромец да он тринадцатый.
Они попили, поели, пообедали,
Выходили з-за стола из-за дубового,
Говорил им старый казак да Илья Муромец:
«Крестный ты мой батюшка, Самсон Самойлович,
И вы русские могучие богатыри,
Вы седлайте-тко добрых коней
Да садитесь вы на добрых коней,
Поезжайте-тко во раздольице чисто поле
Под тот под славный стольный Киев-град.
Как под нашим-то городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войсками со великими,
Разорить он хочет стольный Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да со Опраксой Королевичной
Он срубить-то хочет буйны головы.
Вы постойте-тко за веру, за отечество,
Вы постойте-тко за славный стольный Киев-град,
Вы постойте-тко за церкви да за божие,
Вы поберегите-ко князя Владимира
И со той Опраксой Королевичной!»
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,

И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой Королевичной.
У него есть много да князей, бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старый казак Илья Муромец:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее.
Как собака Калин-царь разорит да Киев-град,
Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит,
Да он божьи церкви все на дым спустит.
Да князю Владимиру с Опраксой Королевичной
А он срубит им да буйные головушки,
Вы седлайте-тко добрых коней
И садитесь-ко вы на добрых коней,
Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,
И по стойте вы за веру, за отечество,
И по стойте вы за славный стольный Киев-град,
И по стойте вы за церкви да за божие.
Вы поберегите-ка князя Владимира
И со той с Опраксой Королевичной».
Говорит Самсон Самойлович да таковы слова:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой Королевичной.
У него есть много да князей, бояр,
Кормит их и поит да жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старый казак Илья Муромец:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее.
Вы седлайте-тко добрых коней
И садитесь-ко вы на добрых коней,
Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,
И по стойте вы за веру, за отечество,

И постойте вы за славный стольный Киев-град,
И постойте вы за церкви да за божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксой Королевичной».
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимый,
Старый казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой Королевичной.
У него есть много да князей, бояр,
Кормит их и поит да жалует,
Ничего нам нет он князя от Владимира».
А й тут старый казак да Илья Муромец
Он как видит, что дело ему не полюби,
Выходит-то Илья да со бела шатра,
Приходил к добру коню да богатырскому,
Брал его за поводья шелковые,
Отводил от полотна от белого
А от той пшены от белояровой,
Да садился Илья на добра коня.
Он поехал по раздольицу чисту полю
И подъехал ко войскам ко татарским.
Не ясен сокол напускает на гусей, на лебедей
Да на малых перелетных на серых утушек,
Напускает-то богатырь святорусский
А на ту ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырского
Да поехал ли по той по силушке татарской.
Стал он силушку конем топтать,
Стал конем топтать, копьем колоть,
Стал он бить ту силушку великую,
А он силу бьет, будто траву косит.
Его добрый конь да богатырский
Испровещился языком человеческим:
«Ай же славный богатырь святорусский,
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тебе той силушки великий:
Нагнано у собаки царя Калина,
Нагнано той силы много-множество,
И у него есть сильные богатыри,
Поленицы есть да удалые;
У него, собаки царя Калина,
Сделаны-то тройи ведь подкопы да глубокие

Да во славном во раздольице чистом поле.
Когда будешь ездить по тому раздольицу
чисту полю,
Будешь бить ты силу ту великую,
Как просядем мы в подкопы во глубокие,
Так из первых подкопов я повыскочу
Да тебя оттуль-то я повыздыну;
Как просядем мы в подкопы-то во другие,
И оттуль-то я повыскочу
И тебя оттуль-то я повыздыну;
Еще в третьи во подкопы во глубокие,
А ведь тут-то я повыскочу,
Да оттуль тебя-то не повыздыну,
Ты останешься в подкопах во глубокихх».
Еще старому казаку Илье Муромцу,
Ему дело-то ведь не слюбилося,
И берет он плетку шелкову в белы руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам,
Говорил он коню таковы слова:
«Ай же ты, собачище изменное,
Я тебя кормлю, пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить во чистом поле,
Да во тех подкопах во глубокихх!»
И поехал Илья по раздольицу чисту полю
Во ту во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть.
А он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила не уменьшится.
И просел он во подкопы во глубокие,
Его добрый конь оттуль повыскочил,
Он повыскочил, Илью оттуль повыздынул.
И спустил он коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во ту во силушку великую,
Стал конем топтать да копьем колоть.
И он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья не старится.
И просел он с конем да богатырским,
И попал он во подкопы-то во другие;
Его добрый конь оттуль повыскочил
Да Илью оттуль повыздынул.
И спустил он коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во ту во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть.
Он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья не старится.

И попал он во подкопы-то во третье,
Он просел с конем в подкопы те глубокие;
Его добрый конь да богатырский
Еще с третьих подкопов он повыскочил,
Да оттуль Илью он не повыздынул,
Сголзнул Илья да со добра коня,
И остался он в подкопе во глубоком.
Да пришли татары-то поганые
Да хотели захватить они добра коня;
Его конь-то богатырский
Не сдался им во белы руки,
Убежал-то добрый конь да во чисто поле.
Тут пришли татары да поганые,
Нападали на старого казака Илью Муромца,
И сковали ему ножки резвые,
И связали ему ручки белые.
Говорили-то татары таковы слова:
«Отрубить ему да буйную головушку».
Говорят ины татары таковы слова:
«А й не надо рубить ему буйной головы,
Мы сведем Илью к собаке царю Калину,
Что он хочет, то над ним да сделает».
Повели Илью да по чисту полю
А ко тем палаткам полотняным.
Приводили ко палатке полотняной,
Привели его к собаке царю Калину,
Становили супротив собаки царя Калина.
Говорили татары таковы слова:
«Ай же ты собака да наш Калин-царь!
Захватили мы да старого казака Илью Муромца
Да во тех-то подкопах во глубоких
И привели к тебе, к собаке царю Калину;
Что ты знаешь, то над ним и делаешь».
Тут собака Калин-царь говорил Илье да таковы слова:
«Ай ты старый казак да Илья Муромец,
Молодой щенок да напустил на силу великую,
Тебе где-то одному побить мою силу великую!
Вы раскуйте-ка Илье да ножки резвые,
Развяжите-ка Илье да ручки белые».
И расковали ему ножки резвые,
Развязали ему ручки белые.
Говорил собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же старый казак да Илья Муромец!
Да садись-ко ты со мной за единый стол,
Ешь-ко ествушку мою сахарную,
Да и пей-ко мои питьица медвяные,
И одежь-ко ты мою одежду драгоценную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью,

Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину».
Говорил Илья да таковы слова:
«А не сяду я с тобой да за единый стол,
Не буду есть твоих ествушек сахарных,
Не буду пить твоих питьецев медвяных,
Не буду носить твои одежи драгоценные,
Не буду держать твоей бессчетной золотой казны,
Не буду служить тебе, собаке царю Калину,
Еще буду служить я за веру, за отечество,
Буду стоять за стольный Киев-град,
Буду стоять за церкви за Господние,
Буду стоять за князя за Владимира
И со той Опраксой Королевичной».
Тут старый казак да Илья Муромец
Он выходит со палатки полотняной
Да ушел в раздольице в чисто поле.
Да теснить стали его татары-ты поганые,
Хотят обневолить они старого казака Илью Муромца.
А у старого казака Ильи Муромца
При себе да не случилось доспехов крепких,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.
Старый казак да Илья Муромец
Видит он – дело немалое:
Да схватил татарина он за ноги,
Так и стал татарин помахивать,
Стал он бить татар татарин,
И от него татары стали бегати,
И прошел он сквозь всю силушку татарскую.
Вышел он в раздольице чисто поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону.
То идет он по раздольицу чисту полю,
При себе-то нет коня да богатырского,
При себе-то нет доспехов крепких.
Засвистал в свисток Илья он богатырский,
Услыхал его добрый конь да во чистом поле.
Прибежал он к старому казаку Илье Муромцу.
Еще старый казак да Илья Муромец
Как садился он да на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю,
Выскочил он да на гору да высокую,
Посмотрел-то под восточную он сторону.
А под той ли под восточной под сторонушкой,
А у тех ли у шатров у белых
Стоят добры кони богатырские.
А тут старый казак да Илья Муромец
Опустился он да со добра коня,
Брал свой тугой лук разрывчатый в белы ручки,
Натянул тетивочку шелковеньку,

Наложил он стрелочку каленую,
И спускал ту стрелочку во бел шатер.
Говорил Илья да таковы слова:
«А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сыми-тко крышку со бела шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы груди
К моему ко батюшке ко крестному,
И проголзни-тко по груди ты по белый,
Сделай-ко ты сцапину да маленьку,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Он и спит там, прохлаждается,
А мне здесь-то одному да мало можется».
Он спустил тетивочку шелковую,
Да спустил он эту стрелочку каленую,
Да просвистнула та стрелочка каленая
Да во тот во славный во бел шатер,
Она сняла крышку со бела шатра,
Пала она, стрелка, на белы груди
Ко тому ли-то Самсону ко Самойловичу,
По белой груди стрелочка проголзнула,
Сделала она да сцапинку-то маленьку.
Тут славный богатырь да святорусский,
А й Самсон-то ведь Самойлович,
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пораскинул свои очи ясные:
Да как снята крыша со бела шатра,
Пролетела стрелка по белой груди,
Она сцапиночку сделала да на белой груди.
Он скорошенько стал на резвы ноги,
Говорил Самсон да таковы слова:
«Ай же славные мои богатыри, вы святорусские,
Вы скорешенько седлайте-ко добрых коней!
Да садитесь-ко вы на добрых коней!
Мне от крестничка да от любимого
Прилетели-то подарочки да нелюбимые:
Долетела стрелочка каленая
Через мой-то славный бел шатер,
Она крышу сняла да со бела шатра,
Да проголзнула-то стрелка по белой груди,
Она сцапинку-то дала по белой груди,
Только малу сцапинку-то дала невеликую.
Погодился мне, Самсону, крест на вороте,
Крест на вороте шести пудов.
Если б не был крест да на моей груди,
Оторвала бы мне буйну голову».
Тут богатыри все святорусские
Скоро ведь седлали да добрых коней,
И садились молодцы да на добрых коней,
И поехали раздольцем чистым полем

Ко тем силам ко татарским.
А со той горы да со высокий
Усмотрел ли старый казак да Илья Муромец,
А то едут ведь богатыри чистым полем,
А то едут ведь да на добрых конях.
И спустился он с горы высокий
И подъехал он к богатырям ко святорусским:
Их двенадцать-то богатырей, Илья тринадцатый.
И приехали они ко силушке татарской,
Припустили коней богатырских,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тут всю силушку великую
И приехали к палатке полотняной.
Сидит собака Калин-царь в палатке полотняной.
Говорят богатыри да святорусские:
«А срубить-то буйную головушку
А тому собаке царю Калину».
Говорил старый казак да Илья Муромец:
«А почто рубить ему да буйну голову?
Мы свезем его во стольный Киев-град
Да ко славному ко князю ко Владимиру».
Привезли его собаку царя Калина
А во тот во славный Киев-град.
Привели его в палату белокаменну
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Садил собаку за столики дубовые,
Кормил его ествушкой сахарною
Да поил-то питьею медвяным.
Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:
«Ай же ты Владимир-князь да стольнокиевский,
Не руби-тко мне да буйной головы!
Мы напишем промеж собой записи великие:
Буду тебе платить дани век и по веку,
А тебе-то князю я Владимиру!»
А тут той старинке и славу поют,
А по тихих мест старинка и покончилась.

Бой Ильи Муромца с сыном

Кабы жили на за́ставы богатыри,
Недалеко от города – за двенадцать верст,
Кабы жили они да тут пятнадцать лет;
Кабы тридцать-то их было да со богатырем;
Не видали ни конного, ни пешего,
Ни прохожего они тут, ни проезжего,
Да ни серый тут волк не прорыскивал,
Ни ясен сокол не пролетывал,
Да нерусской богатырь не проезживал.
Кабы тридцать-то было богатырей со богатырем:
Атаманом-то – стар казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович;
Податаманьем Самсон да Колыбанович,
Да Добрыня-то Микитич жил во писарях,
Да Алеша-то Попович жил во поварах,
Да и Мишка Торопанишко жил во конюхах;
Да и жил тут Василей сын Буслаевич,
Да и жил тут Васенька Игнатьевич,
Да и жил тут Дюк да сын Степанович,
Да и жил тут Пермь да сын Васильевич,
Да и жил Радивон да Превысокие,
Да и жил тут Потанюшка Хроменькой;
Затем Потык Михайло сын Иванович,
Затем жил тут Дунай да сын Иванович,
Да и был тут Чурило, млады Пленкович,
Да и был тут Скопин сын Иванович,
Тут и жили два брата, два родимые,
Да Лука, Да Матвей – Дети Петровые...¹
На зачине-то была светла деничка,
На зори-то тут было да нонче на утренной,
На восходе то было да красна солнышка;
Тут ставаёт старой да Илья Муромец,
Илья Муромец ставаёт да сын Иванович,
Умывается он да ключевой водой,
Утирается он да белым полотном,
И ставаёт да он нонь пред Господом,
А молится он да Господу Богу,
А крест-от кладет да по писанному,
А поклон-от ведет да как ведь водится,
А молитву творит полну Исусову;
Сам надёрнул сапожки да на босу ногу,
Да и кунью шубейку на одно плечо,

¹ Больше богатырей сказительница вспомнить не могла, как ни старалась, но сказала, что прежде помнила всех (собиратель).

Да и пухов-де колпак да на одно ухо.
Да и брал он нынь трубочку подзорную,
Да и выходит старой да вон на улицу,
Да и зрел он, смотрел на все стороны,
Да и смотрел он под сторону восточную, —
Да и стоит-то-де наш там стольнё-Киев-град;
Да и смотрел он под сторону под летную, —
Да стоят там луга да там зелёны
Да глядел он под сторону под западну, —
Да стоят там да леса тёмныи;
Да смотрел он под сторону под северну, —
Да стоят-то-де наше да синё морё, —
Да и стоит-то-де наше там чисто полё,
Сорочинско-де славно наше Кулигово;
В копоти то там, в тумане, не знай, зверь бежит,
Не знай, зверь там бежит, не знай, сокол летит,
Да Буян ле славный остров там шатается,
Да Саратовы ле горы да знаменуются,
А богатырь ле там едет да потешается:
Попереди то его бежит серый волк,
Позади-то его бежит черный выжлок;
На правом-то плече, знать, воробей сидит,
На левом-то плече, да знать, белой кречет,
Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу калёную,
Да калёную стрелочку, перёную;
Не того же орла да сизокрылого,
Да того же орла да сизокамского,
Не того же орла, что на дубу сидит,
Да того же орла, который на синем мори,
Да гнездо-то он вьет да на серой камень.
Да подверх богатырь стрелочку подстреливат,
Да и на пол он стрелочку не ураниват,
На полёте он стрелочку подхватыват.
Подъезжает он ныне ко белу шатру,
Да и пишет нонь сам да скору грамотку;
Да подмётывает ерлык, да скору грамотку;
На правом-то колене держит бумажечку,
На левом-то колене держит чернильницу,
Во правой-то руке держит перышко,
Сам пишет ерлык, да скору грамотку,
Да к тому же шатру да белобархатному.
Да берет-то стар казак Илья Муромец,
Да и то у него тут написано,
Да и то у него тут напечатано:
«Да и еду я нонь да во стольнёй Киев-град,
Я грометь-штурмовать да в стольнё-Киев-град,
Я соборны больши церкви я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,

Я печатны больши книги да во грязи стопчу,
Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню да за себя возьму».
Да заходит тут стар тут во белой шатёр:
«Ох вы ой есь вы, дружинушка хоробрая,
Вы, хоробрая дружина да заговорная!
Уж вам долго ле спать, да нынь пора ставать.
Выходил я, старбй, вон на улицу,
Да и зрел я, смотрел на все стороны,
Да смотрел я под сторону восточную, —
Да и стоит-то де наш там стольнё-Киев-град...²
Тут скакали нынь все русские богатыри.
Говорит-то-де стар казак Илья Муромец:
«Да кого же нам послать нынь за богатырём?
Да послать нам Самсона да Колыбанова, —
Да и тот ведь он роду-то сонливого,
За невид потерят свою буйну голову;
Да послать нам Дуная сына Иванова, —
Да и тот он ведь роду-то заплывчива,
За невид потерят свою буйну голову;
Да послать нам Олешеньку Поповича, —
Да и тот он ведь роду-то хвастливого,
Потеряет свою буйну голову;
Да послать-то нам ведь Мишку да Торопанишка, —
Да и тот он ведь роду торопливого,
Потеряет свою буйну голову;
Да послать-то нам два брата, два родимыя,
Да Луку де, Матвея – детей Петровичей, —
Да такого они роду-то ведь вольнёго,
Они вольнёго роду-то, смирёного,
Потеряют свои да буйны головы;
Да послать-то нам Добрынюшку Микитича, —
Да я тот он ведь роду он ведь вежлива,
Он вежлива роду-то, очестлива,
Да умеет со мблодцем соехаться,
Да умеет он со молодцем разъехаться,
Да имеет он ведь молодцу и честь воздать».
Да учуло тут ведь ухо богатырскоё,
Да завидело око да молодецкоё,
Да и стал тут Добрынюшка сряжатися,
Да и стал тут Добрынюшка сподоблятися;
Побежал нынь Добрыня на конюшен двор,
Да и брал он коня да всё семи цепей,
Да семи он цепей да семи розвезей;
Да и клал на коня да плотны плотнички,

² Рассказ Ильи Муромца, что он видел, составляющий буквальное повторение предыдущего в 49 стихах, выпускается (Н.Е. Оичуков).

Да на плотнички клал да мягки войлочки,
Да на войлочки седельшко черкальской,
Да двенадцать он вяжет подпруг шелковых,
Да тринадцату вяжет чересхребётную,
Через ту же он степь да лошадиную,
Да не ради басы да молодецкой,
Ради крепости вяжет богатырской.
Тут он приснял он-де шапочку курчавую,
Он простился со всеми русским богатырьми,
Да не видно поездки да молодецкой,
Только видно, как Добрыня на коня скочил,
На коня он скочил да в стремяна ступил,
Стремяна те ступил да он коня стегнул;
Хоробра была поездка да молодецкая,
Хороша была побежка лошадиная,
Во чистом-то поле видно – кулева стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламя мечется,
Да и сива де грива да расстиляется,
Да и хвост-то трубой да завивается.
Наезжает богатырь на чистом поли,
Заревел тут Добрыня да во первой након:
«Уж я верной богатырь, – дак нын напуск держу,
Ты неверной богатырь, – дак поворот даешь».
А и едет татарин, да не оглянется.
Заревел-то Добрынюшка во второй након:
«Уж я верной богатырь, – дак нын напуск держу,
Ты неверной богатырь, – дак поворот даешь».
А и едет татарин, да не оглянется.
Да и тут-де Добрынюшка ругаться стал:
«Уж ты, гадина, едешь, да перегадина!
Ты сорока, ты летишь, да белобокая,
Да ворона, ты летишь, да пустоперая,
Пустопера ворона, да по загуменью!
Не воротишь на заставу каравульную,
Ты уж нас, молодцов, видно, ничем считаешь?»
А и тут-де татарин да поворот даёт,
Да снимал он Добрыньку да со добра коня,
Да и дал он на... по отяпышу,
Да прибавил на... по алябышу,
Посадил он назад его на добра коня:
«Да поедь ты, скажи стару казаку, —
Кабы что-де старой тобой заменяется?
Самому ему со мной еще делать нечего».
Да поехал Добрыня, да едва жив сидит.
Тут едет Добрынюшка Никитьевич
Да к тому же к своему да ко белу шатру,
Да встречает его да нынче стар казак,

Кабы стар-де казак да Илья Муромец:
«Ох ты ой еси, Добрынюшка Никитич блад!
Уж ты что же ты едешь не по-старому,
Не по-старому ты едешь да не по-прежнему?
Повеся ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да очи ясный».
Говорит-то Добрынюшка Никитич блад:
«Наезжал я татарина на чистом поли,
Заревел я ему да ровно два раза,
Да и едет татарин, да не оглянется;
Кабы тут-де-ка я ровно ругаться стал.
Да и тут-де татарин да поворот дает,
Да сымал он меня да со добра коня,
Да и дал он на... да по отяпышу,
Да прибавил он еще он по алябышу,
Да и сам он говорит да таковы речи:
«Да и что-де старой тобой заменяется?
Самому ему со мной да делать нечего!»
Да и тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалось;
Могучи его плеча да расходились,
Ретиво его сердце разгорячилось,
Кабы ровно-неровно – будто в котли кипит.
«Ох вы ой еси, русские богатыри!
Вы седлайте-уздайте да коня доброго,
Вы кладите всю сбрую да лошадиную,
Вы кладите всю приправу да богатырскую».
Тут седлали-уздали да коня доброго;
Да не видно поездки да молодецкой,
Только видно, как старой нын на коня скочил,
На коня он скочил да в стремя ступил,
Да и приснял он свой да нонь пухов колпак:
«Вы прощайте, дружинюшка хоробрая!
Не успеете вы да штей котла сварить, —
Привезу голову да молодецкую».
Во чистом поли видно – курева стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламё мечется,
Да и сива-де грива да расстилается,
Да и хвост-от трубой да завивается.
Наезжаёт татарина на чистом поли,
От того же от города от Киева
Да и столько-де места – да за три пбприща.
Заревел тут старой да во первой закон:
«Уж я верной богатырь – дак я напуск держу,
Ты неверной богатырь – дак поворот даёшь».
А и ёдет татарин, да не оглянется.
Да и тут старой заревел во второй закон:

«Уж я верной богатырь – дак я напуск держу,
Ты неверной богатырь – дак поворот даёшь».
Да и тут-де татарин да не оглянется.
Да и тут-де старой кабы ругаться стал:
«Уж ты, гадина, едешь, да перегадина!
Ты сорока, ты летишь, да белобокая,
Ты ворона, ты летишь, да пустоперая,
Пустопера ворона, да по загуменью!
Не воротишь на заставу караульную,
Ты уж нас, молодцов, видно, ничем считать?»
Кабы тут-де татарин поворот даёт,
Отпустил татарин да нынь сера волка,
Отпустил-то татарин да черна выжлока,
Да с права он плеча да он воробышка,
Да с лева-то плеча да бела кречета.
«Побежите, полетите вы нынь прочь от меня,
Вы ищите себе хозяина поласкове.
Со старым нам съезжаться – да нам не брататься,
Со старым нам съезжаться – дак чья Божья помощь».
Вот не две горы вместе да столкнулися, —
Два богатыря вместе да тут соехались,
Да хватали они сабельки нынь острые,
Да и секлись, рубились да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
Острые сабельки их да изломалися,
Изломалися сабельки, исщербилися;
Да бросили тот бой на сыру землю,
Да хватали-то палицы боевые,
Колотились, дрались да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
Да боевые палицы загорелися,
Загорелися палицы, распоелися;
Да бросали тот бой на сыру землю,
Да хватали копейца да бурзамецкие,
Да и тыкались, кололись да целы суточки,
Да не ранились они да не кровавились,
По насадке копейца да изломалися,
Изломалися они да извихнулися;
Да бросили тот бой да на сыру землю,
Да скакали они нонь да со добрых коней,
Да хватались они на рукопашечку.
По старому по бесчестью да по великому
Подоспело его слово похвальное,
Да лева его нога да окольздилася,
А права-то нога и подломилася,
Да и падал старой тут на сыру землю,
Да и ровно-неровно будто сырой дуб,
Да заскакивал Сокольник на белы груди,
Да и рбзорвал лату да он булатную,

Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
Да и хочет пороть да груди белые,
Да и хочет смотреть да ретиво сердцё.
Кабы тут-де старой да нынь расплакался:
«Ох ты ой есть, пресвята мать Богородица!
Ты почто это меня нынче повыдала?
Я за веру стоял да Христовую,
Я за церкви стоял да за соборные».
Вдруг не ветру полоска да перепахнула, —
Вдвое-втрое у старого да силы прибыло,
Да свистнул он Сокольника со белых грудей,
Да заскакивал ему да на черны груди,
Да и розорвал лату да всё булатную,
Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
Да и ткнул он ему до во черны груди, —
Да в плечи-то рука и застоялася.
Тут и стал-де старой нынче выпрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»
У поганого сердцо-то заплывчиво:
«Да когда я у те был да на белых грудях,
Я не спрашивал ни роду тя, ни племени».
Да и ткнул старой да во второй након, —
Да в локти-то рука да застоялася;
Да и стал-де старой да опять спрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»
Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«Да когда я у те был на белых грудях,
Я не спрашивал ни роду тя, ни племени,
Ты ещё стал роды у мня выпрашивать».
Кабы тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалось,
Да и ткнул старой да во третьей након, —
В заведи-то рука и застоялася;
Да и стал-то старой тут выпрашивать:
«Ой ты ой еси, удалой доброй молодец!
Да скажись ты мне нонче, пожалуйста:
Да какой ты земли, какой вотчины,
Да какого ты моря, коя города,
Да какого ты роду, коя племени?
Да и как тя, молодца именём зовут,
Да и как прозывают по отечеству?»
Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«От того же я от камешка от Латыря,
Да от той же я девчонки да Златыгорки;
Она зла поленица да преудалая,
Да сама она была еще одноокая».
Да скакал-то старой нонь на резвы ноги,
Прижимал он его да ко белой груди,
Ко белой-де груди да к ретиву сердцу,

Целовал его в уста да нынь сахарные:
«Уж ты, чадо ле, чадо да мое милоё,
Ты дитя ле мое, дитя сердечное!
Да съезжались с твоей да мы ведь матерью
Да на том же мы ведь на чистом поли,
Да и сила на силу прилучалася,
Да не ранились мы да не кровавились,
Сотворили мы с ней любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили;
Да поедь ты нынь к своей матери,
Привези ей ты нынь в стольно-Киев-град,
Да и будешь у меня ты первой богатырь,
Да не будет тебе у нас поединщиков».
Да и тут молодцы нынь разъехались,
Да и едет Сокольник ко свою двору,
Ко свою двору, к высокоу терему.
Да встречат его матушка родимая:
«Уж ты, чадо ле, чадо моё милоё,
Уж дитя ты мое, дитя сердечное!
Уж ты что же нынь едешь да не по-старому,
Да и конь-то бежит не по-прежнему?
Повеся ты дёржишь да буйну голову,
Потопя ты дёржишь да очи ясные,
Потопя ты их держишь да в мать сыру землю».
Говорит-то Сокольник да таковы речи:
«Уж я был же нынь-нынче да во чистом поли,
Уж я видел стару коровушку базыкову,
Он тебя зовет... меня...»
Говорит-то старуха да таковы речи:
«Не пустым-де старой да похваляется, —
Да съезжались мы с ним да на чистом поли,
Да и сила на силу прилучилася,
Да не ранились мы да не кровавились,
Сотворили мы с ним любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили».
А и тут-де Сокольнику за беду стало,
За великую досаду показалось,
Да хватил он матушку за черны кудри,
Да и вызнял он ей выше могучих плеч,
Опустил он ей да о кирпичат пол,
Да и тут-де старухе да смерть случилася.
У поганого сердцё-то заплывчиво,
Да заплывчиво сердцё-то разрывчиво,
Да подумал он думу да промежду собой,
Да сказал он нынь слово да нынче сам себе:
«Да убил я топеря да родну матушку,
Да убью я поеду да стара казака,

Он спит нынь с устатку да нонь с великого». Да поехал Сокольник в стольно-Киев-град, Не пиваючись он да не едаючись, Не сыпал-де он нынче плотного сну; Да разорвана лата да нынь булатная, Да цветно его платьё да всё истрёпано. Приворачивал он на заставу караульную — Никого тут на заставе не случилось, Не случилось-де нынь, не пригодилося, Да и спит-то один старой во белом шатру, Да храпит-то старой, как порог шумит; Да соскакивал Сокольник да со добра коня, Да заскакивал Сокольник да нынь во бел шатер, Да хватал он копейцё да бурзамецкое, Да и ткнул он старому да во белы груди; По старому-то по счастью да по великому Пригодился ле тут да золот чуден крест, — По насадки копейцо да извихнулося; Да и тут-де старой да пробуждается, От великого сну да просыпается, Да скакал-де старой тут на резвы ноги, Да хватал он Сокольника за черны кудри, Да и вызнял его выше могучих плеч, Опустил он его да о кирпичат пол, Да и тут-де Сокольнику смерть случилася; Да и вытащил старой его вон на улицу, Да и руки и ноги его он оторвал, Россвистал он его да по чисту полю, Да и тулово связал да ко добру коню, Да сорокам, воронам да на расклёваньё, Да серым-де волкам да на растарзаньё.

Богатыри на Соколе-корабле

По морю, морю синему,
По синему, но Хвалунскому
Ходил-гулял Сокбл-корабль
Немного-немало двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.
Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Нос, корма – по-звериному,
А бока звездены по-змеиному,
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было вставлено
Два камня, два яхонта,
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо бровей было повешено
Два соболя, два ббрзые;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было повешено
Две куницы мамурские;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три церкви соборные,
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три монастыря, три почестные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три торговица немецкие;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три люди незнаёмые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собою языка не ведали.
Хозяин-от был Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванов,
Его верный слуга – Добрынюшка,
Добрынюшка Никитин сын,
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
Как издалече-далече, из чиста поля
Зазрил, засмотрел турецкой пан,
Турецкой пан, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович.
Он сам говорит таково слово:
«Ай вы гой еси, ребята, добры молодцы,
Добры молодцы, донские казаки!
Что у вас на синем море деется?
Что чернеется, что белеется?»

Чернеется Сокол-корабль,
Белеются тонки парусы.
Вы бежите-ко, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, во легкий струги,
Нагребайте поскорее на Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон бери;
Добрынюшку под меч клони!»
Таки слова слышал Илья Муромец,
Тако слово Добрыне выговаривал:
«Ты, Добрынюшка Никитин сын,
Скоро-борзо походи на Сокол-корабль,
Скоро-борзо выноси мой тугой лук,
Мой тугой лук в двенадцать пуд,
Калену стрелу в косы сажень!»
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Ко стрелочке приговаривает:
«Полети, моя каленая стрела,
Выше лесу, выше лесу по поднебесью,
Не пади, моя каленая стрела,
Ни на воду, ни на землю,
А пади, моя каленая стрела,
В турецкой град, в зелен сад,
В зеленой сад, во бел шатер,
Во бел шатер, за золот стол,
За золот стол, на ременчат стул,
Самому Салтану в белу грудь;
Распори ему турецкую грудь,
Расшиби ему ретиво сердце!»
Ах тут Салтан покался:
«Не подай, Боже, водиться с Ильей Муромцем,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.